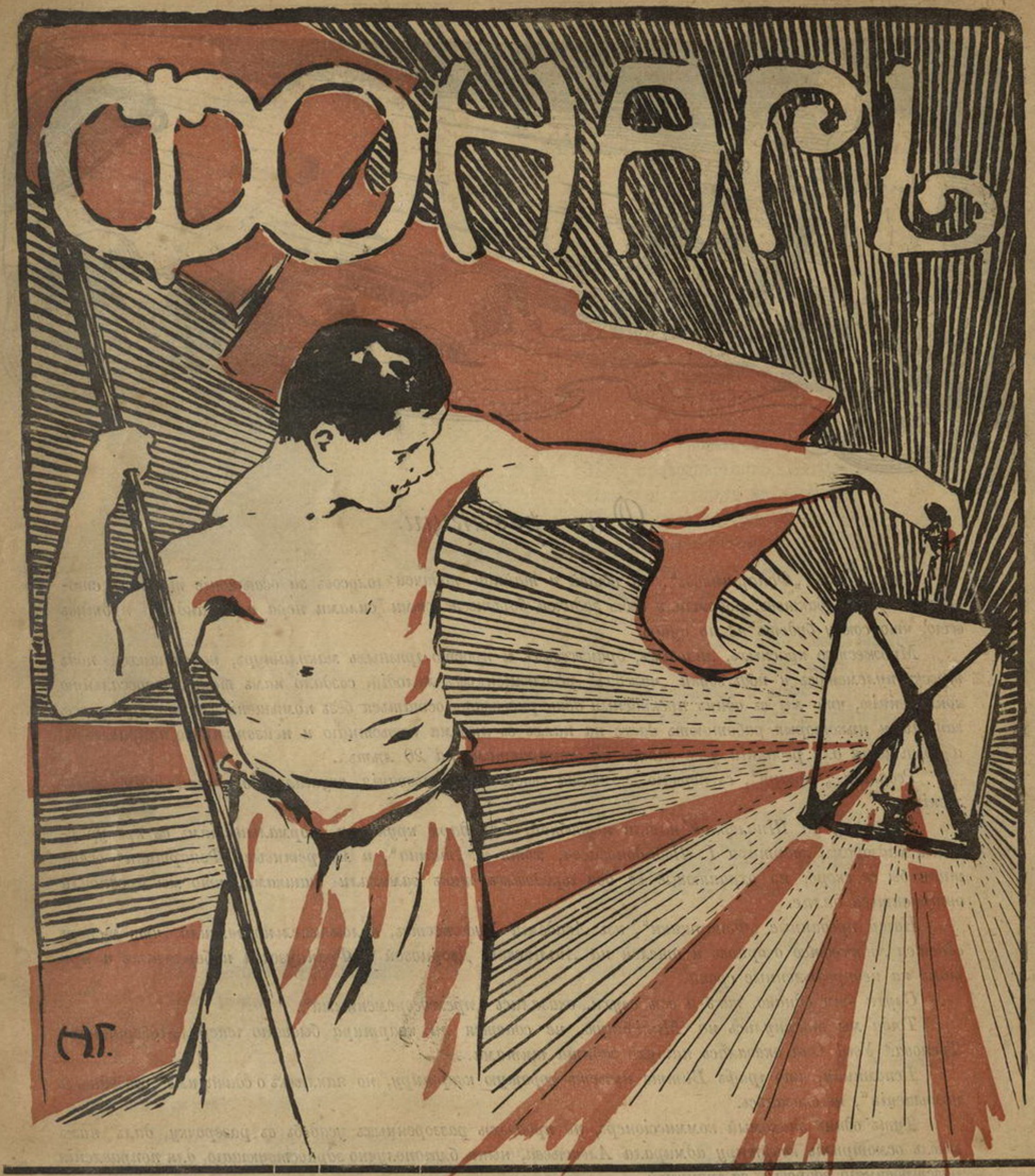

№ 1.

8 ДЕКАБРЯ 1905 Г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена № 7 коп.

Отъ редакціи.

Нашъ союзъ „Фонариковъ“, съ общей и тайной подачей голосовъ за освѣщеніе темныхъ сторонъ жизни и фактовъ, поставилъ себѣ задачей бороться всѣми силами пера и карандаша противъ всего, что союзу будетъ не по душѣ.

Множество красныхъ, лиловыхъ, оранжевыхъ и просто грязныхъ макулатуръ, появившихся подъ трескъ пулеметовъ и подъ звуки „чужихъ“ революціонныхъ мелодій, создало намъ такую колоссальную конкуренцію, что мы въ одинъ прекрасный день рисковали остаться безъ помѣщенія; типографіи всѣ заняты и нѣкоторыя работаютъ даже на паяхъ съ людьми извѣстнаго и неизвѣстнаго направленія, а помѣщенія для редакцій уже сняты по контрактамъ на 20 лѣтъ...

Редакція „Фонаря“, съ перваго момента своего существованія, очутилась въ безвыходномъ положеніи.

Квартиру на Шналерной нашли неудобной, благодаря крупнымъ формальностямъ съ прокурорскимъ надзоромъ, квартира Г. Побѣдоносцева, хотя и „темная“, и мы ретивые „Фонарики“ освѣтили бы ее скоро, но охраняющіе ее два городовыхъ такъ замахали шапками, что мы предпочли отправиться далѣе.

Наши преданные „Фонарики“, изъ Академіи Художествъ, положительно заявили, что теперь сдается множество дворцовъ и отелей на Англійской, Дворцовой и Французской набережныхъ и при томъ на неопредѣленные сроки.

Слухи эти однако, какъ и всѣ слухи, оказались „преждевременными“.

Тогда мы толкнулись на Миліонную, не сдается ли квартира бывшаго генералъ-губернатора Трепова? Увы! Она оказалась наглухо забита щитами...

Вспомнили, что графъ Витте имѣетъ хорошую квартиру, но наклѣкъ о сдачѣ имъ „свободныхъ помѣщеній“, не оказалось.

Тутъ одинъ знакомый коммисіонеръ, по продажѣ раззоренныхъ усадебъ въ разсрочку, далъ намъ мысль осмотрѣть квартиру адмирала Алексѣева, нынѣ благополучно здравствующаго, для поправленія разстроеннаго здоровья, за границей.

Оказалось, что она оплачена казной на 40 лѣтъ впередъ по 12000 р. въ годъ, съ правомъ пользованія ею всему нисходящему и восходящему потомству адмирала...

Оставалось заглянуть на Пески, идѣ, при благосклонномъ участіи дворниковъ, намъ удалось снять временно пятый этажъ въ домъ № 22, по Деятарному переулку.

40,000 въ годъ.

Что-жъ, цѣна не дорогая,—если съ каждаго подписчика намъ останется только по 1 р., то и тогда за годъ получится у насъ чистаго дохода около 274,000.

«Фонарь».

Депутатъ отъ дворянства въ Государственную думу.

рис. Л. Ч.

Изъ пѣсенъ Мракобѣсцева.

(По телефону изъ Москвы).

Собранье опытныхъ людей,
Почти отъ самаго начала,
Богатство мыслей и идей,
Предъ каждымъ въ мѣрѣ расточало...

Но изо всѣхъ рѣчей одна
Меня всѣхъ больше искусила:
Въ ней обозначилась до дна
Людская немощность и сила!

Въ ней говорилъ одинъ чудакъ,
Что нужно въ пику группамъ стайнымъ,
Дать людямъ свѣтлый полумракъ,
И автономію окраинамъ!...

«Молчи,—я рекъ,—не этихъ тайнъ
Я жду отъ новаго Мессіи!
Вѣдь «автономія» окраинъ—
Есть «анатомія» Россіи!...

В. Жуковъ.

„Послѣднее прости“, или „Москва слезамъ не вѣритъ“.

Не слышно залповъ канонады...
Въ потокахъ крови городъ спалъ,
Въ дверяхъ дворца,—боясь засады,
Гигантъ низвергнутый стоялъ.
И думалъ онъ:—„за что судьбою
Мнѣ посланъ грустный столь конецъ,
Зачѣмъ „предательской рукою“
Измятъ диктаторскій вѣнецъ?
Я мыслилъ: юную Россію—
Очистить кровью отъ плевелъ!..
Но... провозвѣстника, Мессію...
Никто и слушать не хотѣлъ!..
Ни въ комъ не зря себѣ участья
Я сталъ „патроновъ не жалѣть“
И безразсудствомъ самовластья
Самъ для себя же свилъ я плетъ!
И задыхаясь отъ мести,
Не сдалъ корабль свой—весь въ крови,—
А дни мои текутъ безъ лести,
Безъ вдохновенія и любви!..
Но я отмщенъ! Пройдутъ столѣтья,
Жизнь вступитъ въ новое русло...
И долго будутъ многолѣтья
Вздыхать—„какъ Трепову везло“!!!
Привѣтъ Вамъ, славные собратья,
Мы—память создали себѣ!..
Тебѣ-жъ, „измѣнница“, проклятья
И гибель въ радостной борьбѣ!!!“

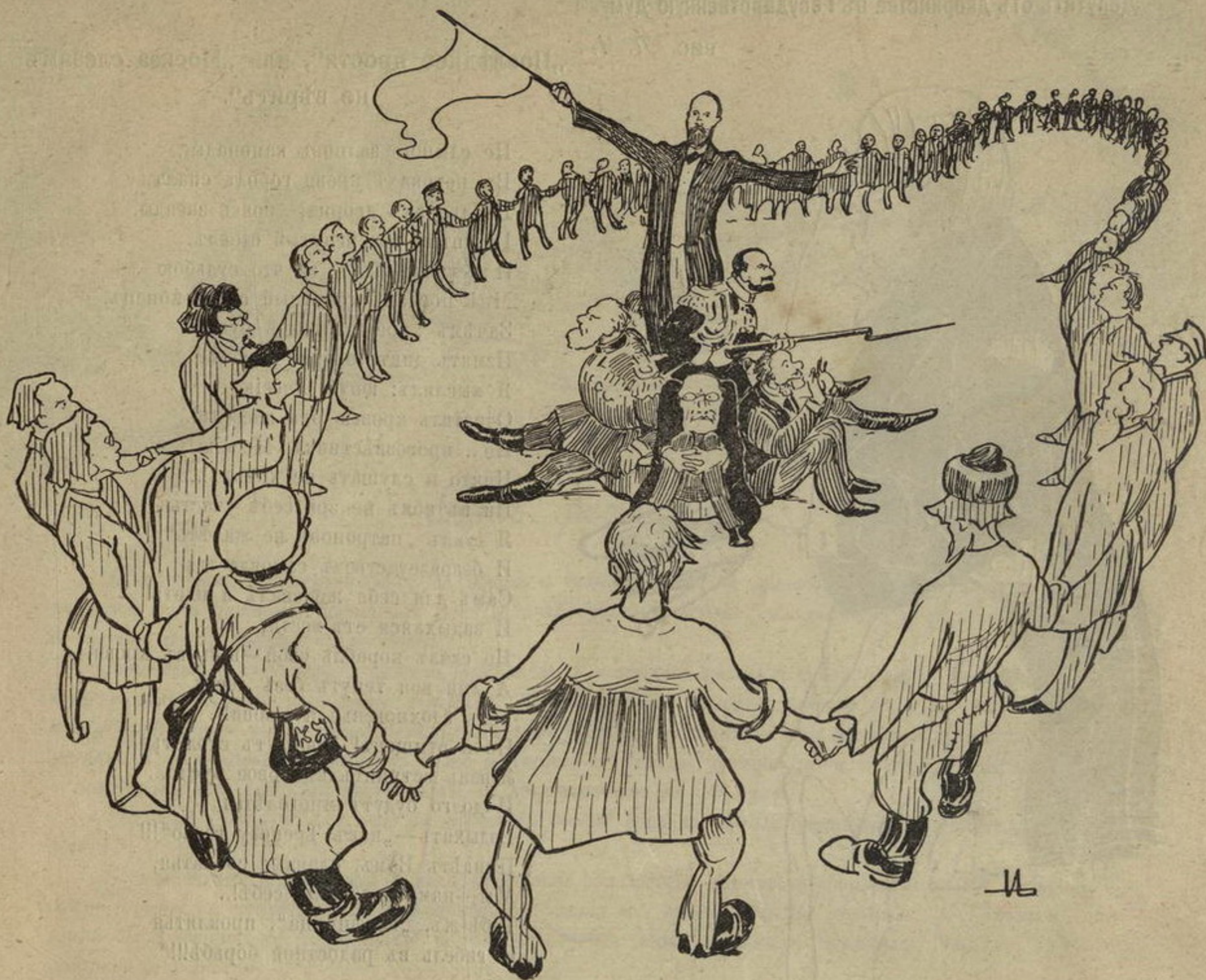
Смахнувъ слезу, и бросивъ полный,
Непримиримой злобы взглядъ,
Онъ тихо скрылся... Бились волны....
Да, проходя, зѣвалъ „нарядъ“!

Г. П. К—овъ.

Сентенція.

Желая насъ вернуть домой,
Подъ сѣнь деревни и аула,
Холерой страшной и чумой,
Насъ бюрократія пугнула...
Все это сводитъ насъ съ ума,
И пробуждаетъ отъ апатіи...
Но все жъ холера и чума,
Куда пріятнѣй бюрократіи!

Апулей.

Министерскія пѣсни.

(Кто о чемъ поетъ):

Министръ Финансовъ (теноръ).

Ахъ, вы, Сашки, канашки мои,
Размѣняйте-ка бумажки мои!
А бумажки все новенькія,
Двадцати-пяти-рублевенькія.

Министръ Путей Сообщенія (басъ).

Гдѣ ты лѣность, гдѣ ты нѣга,
Русской юности краса?
Пропадай моя телѣга,
Всѣ четыре колеса!..

Министръ Юстиціи.

Разъяснилъ дѣвицѣ я,
Разводя руками:
Есть цвѣтокъ «юстиція»,
Да и тотъ съ крючками!..

Министръ Земледѣлія.

Возлѣ рѣчки, возлѣ моста,
Травка выростала!
А въ итогѣ—очень просто,
Ничего не стало!

Оберъ-прокуроръ.

На березовой печи,
Изъ дубовой ели,
«Аллилуйя» кирпичи
Въ перегонку пѣли.

Военный Министръ (Шимоза).

Громъ побѣды раздавайся,
Ну, а ты мой генералъ,
Хоть пять тысячъ разъ сдавайся,
Не нарвешься на скандалъ!..

Министръ Народнаго Просвѣщенія.

Азъ, буки, букашки,
Вѣди, таракашки,
Глаголь—кишки,
Добро... служба... денежки!..

Самъ Сонъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н.

Когда я встрѣтился съ тобой,
Тогда была ты либералкой,
Идущей смѣло на убой,
Не содрогаясь передъ палкой!
Но я женился на тебѣ!
Ты занялась семейной чисткой,
И въ пику всяческой судьбѣ,
Вдругъ оказалась... монархисткой!..

Обогатить хотѣлъ Петрополь
Извѣстный міру русскій графъ,

Дисциплина.

Пережитокъ послѣднихъ дней.

Полковой командиръ дѣлаетъ выговоръ батальонному:

— Послушайте, Николай Ивановичъ,—говоритъ онъ,—послушайте, дорогой мой! Такъ нельзя ходить на смотръ, какъ ходитъ вашъ батальонъ!.. Вразумите... особенно командира шестой роты... Не забудьте, что у меня сегодня винтъ... Вотъ единственное мѣсто, гдѣ вы можете ходить, какъ хотите...

Батальонный призываетъ командира шестой роты и говоритъ:

— Нѣтъ-съ... Петръ Ивановичъ... такъ нельзя съ, это не винтъ, чтобы ходить такъ, какъ ходитъ ваша рота на смотръ... Ренонсъ!.. Понимаете?... Полный ренонсъ нашему авторитету...

Командиръ роты кричитъ:

Подпоручикъ Ивановъ 319-ый! Я такъ и зналъ. Вы трясетесь? Вы чувствуете свою вину... Но государственному дѣлу отъ этого не легче! Ваша полурота ходитъ, точно въ Акульки играетъ...

Подпоручикъ Ивановъ 319-ый ураганомъ набрасывается на отдѣленнаго начальника:

— Подъ судъ отдамъ,—кричитъ онъ,—шеvronы сорву... Что сдѣлала наша полурота?... развѣ мы ходили! Врешь! Даже въ три листика не ходятъ такъ, какъ ходили наши полуроты.

Унтеръ подзываетъ ефрейтора:

— Ты что же? А?—кричитъ онъ,—службу позабылъ... Взводъ, точно бабы по горохъ, на смотръ ходитъ, а онъ и въ усъ себѣ не дуетъ! Да я тебя даже во снѣ маршировать заставляю... Изотру!.. Съѣмъ, проглочу и безъ вѣсти пропадешь...

Ефрейторъ выстраиваетъ шеренгу.

— Сми-и-р-но-пъ!.. кричитъ онъ,—глазы на лѣ-ѣ-во-пъ!

(Слышится звукъ палочки пробѣгающей по чашечке...)

Шеренга вернулась въ помѣщеніе роты, оставивъ на плацу двадцать шесть зубовъ, скулу и три поддусника.

Дисциплина подтягивается и сладко зѣвая говоритъ:

Можно спокойно заснуть! При такой системѣ воинскаго воспитанія бунты и возмущенія невозможны...

А утромъ кричали телеграммы изъ Кронштадта... Севастополя... Владивостока... C'est moi.

— Но тамъ мѣшаетъ Севастополь,
А здѣсь мѣшаетъ телеграфъ.

Новости подъ рукою.

— Слыхали! Генераль-губернаторство то у насъ упразднили! Что это значить?...

— Это... это значить „трепанация“ власти!

Ребенокъ, въ коляскѣ со своимъ отцомъ, читаетъ на Морской вывѣску: „Восьмой флотскій экипажъ“ и потомъ, обратившись къ отцу спрашиваетъ: Папа! А этотъ экипажъ тоже на резиновыхъ шинахъ?

— Почему мы проиграли Манчжурскую компанію?

— Да потому, что тамъ собралась очень плохая компанія... генераловъ.

Въ клубѣ.

— Адмиралъ! Вамъ сдавать!

— Милсдаръ! прошу безъ намековъ!

Меню бюрократа.

Щи по ногайски,
Мечъ—рыба подъ краснымъ соусомъ,
Битки по казацки,
Артишоки въ обѣ щеки,
Мороженное—бомбочки.

Экспромтъ чиновника.

Правительство все ново,
Я вѣрую въ него!
И ничего дурного
Не вижу въ Дурново!

Тихо туманное утро въ столицѣ,
По улицѣ медленно дроги ползутъ,
На дорогахъ останки дурного режима,
На свалку везутъ... на свалку везутъ...

А. З.

С О Н Ъ.

Предо мной въ неземномъ сновидѣннѣ,
Словно въ сказкѣ предстала страна:
Преисполнена свѣтлыхъ видѣній
И любовію братской полна.
Не знакомы тамъ злоба и горе,
Всѣ, какъ дѣти тамъ чисты душой,
Мощной правды широкое море
Тамъ вздымаетъ волна за волной.
Клеветы не видать безпощадной
Въ лжи погрязшихъ порочныхъ людей,
Нѣтъ тамъ скуки и лѣнноты праздной,
Нѣтъ тамъ пошлыхъ и мелкихъ страстей.
И не вѣдали тамъ преступленій
Нѣтъ враговъ и кровавой войны.
Тамъ царитъ свѣтлый духъ всепрощенья
Свѣтитъ яркое солнце любви.
Въ казематахъ сырыхъ и холодныхъ
Не томится преступникъ въ цѣпяхъ
Нѣтъ тамъ сирыхъ, больныхъ и голодныхъ
Нѣтъ тамъ яда въ душистыхъ цвѣтахъ.

Но пропали волшебныя грезы
И разсѣялся нѣжный нюансъ...
Я проснулся... исчезли видѣнья...
Посмотрѣлъ... о какой диссонансъ!..

В. З—на.

Наши дѣятели.

По русскимъ поэтамъ.

В и т т е.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я-бъ хотѣлъ забыться и уснуть...

Д у р н о в о.

Я тотъ, чей взоръ надежду губить,
Едва надежда расцвѣтетъ,
Я тотъ, кого никто не любитъ
И все живущее клянеть...

Т р е п о в у.

И на помостѣ высокомъ
Поплачусь я головой
За разгульныя потѣхи
Съ разудалой голытьбой.

С т е с с е л ю.

Не откажутъ тебѣ въ подаяніи,
Не умрешь ты безъ крова зимой;
Жаль разумное Божье созданье—
Человѣка въ грязи и съ сумой.

Рождественскому (по пути къ Цусимѣ).

Быстры, какъ волны,
Дни нашей жизни,
Что часъ, то короче
Къ могилѣ нашъ путь.

Н е б о г а т о в у.

Когда-жъ постранствуешь, воротисьъ домой,
Хоть судъ свершится надъ тобою роковой...
Но дымъ отечества все-жъ сладокъ и пріятенъ.

Вспомнилъ Черкехъкій.

О смертной казни.

■ ! (Полуисторические факты).

Антонъ Ковальчукъ былъ приговоренъ къ смертной казни...

Утромъ, когда его вели къ эшафоту, священникъ напутствовалъ его синодальными рѣчами.

— Мой сынъ,—говорилъ онъ,—не падай духомъ... Ты отходишь въ область вѣчнаго счастья и удовольствія!

— Не вѣрю!—отрѣзалъ приговоренный.

— Почему же?

— Да потому, что я былъ бы теперь живъ!..

— Какъ такъ?

— Такъ какъ та область, о которой ты говоришь, была бы давно уже занята попами и прокурорами! Они вѣдь такъ любятъ благополучіе.

Когда вѣшали студента Горнаго Института на Семеновскомъ плацу, онъ громко сказалъ, поглядывая на ипподромъ:

— Хм... Самое подходящее мѣсто... для... рысаковъ!

— Что это такое?—спросили Марата, указывая на гильотину.

— Это,—отвѣтилъ всегда находчивый революціонеръ,—это... государственная бритва!

Софья Перовская была въ дѣтствѣ другомъ бывшего министра юстиціи Муравьева.

Какъ-то катаясь съ ней Муравьевъ чуть не опрокинулъ лодку.

МОЛОТОЧКИ.

— Боже мой!—сказалъ Тараканъ, сидя подъ решетомъ,—дырокъ много, а выйти некуда!

Сергея, пройми ухо—(народная пословица).

— Откуда берутся эти казаки?—спросила баба, во время стрѣльбы, у фабричнаго, стоявшаго на манифестаціи 18 октября.

— Вѣстимо откуда,—отвѣчалъ фабричный,—казакъ казака родитъ.

яноТ

— Коля!—закричала Перовская,—у меня даже „мурашки“ по тѣлу пошли!..

— Подожди,—сказалъ тотъ,—онѣ еще и не такъ пойдутъ...

Эти „мурашки“ ощутила Перовская потомъ на эшафотѣ.

Укладывая голову подъ гильотину Робеспьеръ сказалъ:

— Какая масса нравственныхъ волненій, чувствую что завтра у меня весь день будетъ болѣть голова!..

Извѣстный палачъ Красносвекольниковъ говорилъ:

— Я поролъ людей ежедневно, но никогда не допускалъ мысли быть редакторомъ „Гражданина“!

Еврей около вѣселицы сказалъ:

— Ну развѣ можно образумить нашево интенданство... оно даже вѣшаетъ на прошлогодней веревкѣ!

— Долой смертную казнь!—крикнуло современное общество.

— Но вѣдь это равносильно смертной казни для насъ!—сказали доктора.

Старый анекдотъ:

— Бѣдный Коляевъ!.. За что его повѣсили?..

— Гм... очевидно... за шею!

Криминаль.

Интервью съ Тѣнью Ли-Хунъ-Чанга.

(Корреспонденція нашего спеціального „Фонарика“).

Командированный редакціей „Фонаря“, какъ спеціальнѣйшій „Фонарикъ“ по освѣщенію „темныхъ мѣстъ“, я сдѣлалъ мой первый визитъ на забытые берега Янтцегіанга, въ чудную долину, за извилиной рѣки, гдѣ среди разбросанныхъ, тамъ и сямъ китайскихъ фанзъ, раскинулась священная роща съ могилами мандариновъ, богдыхановъ и другихъ сановниковъ китайской іерархіи. Вѣковая роща, въ которой каждое дерево считалось священнымъ, была изрядно порублена, очевидно мѣстные Дзинь-Дзюни и Даотан отечески позаботились о расчисткѣ мѣстъ для болѣе свободныхъ прогулокъ тѣнямъ сановныхъ душъ въ мѣстахъ упокоенія....

Луна, прорываясь, въ яркихъ контурахъ, сквозь листву и сучья дубовъ, платановъ и сикоморъ, рисовала на могильныхъ памятникахъ прихотливые рисунки, напоминавшіе китайскую грамоту.

Тѣнь мудраго Ли-Хунъ-Чанга не заставила себя ждать и, такъ-какъ, первый министр изрядно говорилъ по русски при жизни, то мнѣ не предстояло трудности выслушать его послѣ смерти.

Отбросивъ всѣ китайскія церемоніи, тѣнь мудраго сановника жестомъ указала мнѣ мѣсто на могильной плитѣ.

— Присядьте, можете не стѣсняться, хотя здѣсь и погребенъ прахъ извѣстнаго вамъ принца Туана, но онъ теперь все еще болтается по Манджуріи и не перестаетъ агитировать умы военачальниковъ;—сказалъ Ли.

— Я раскланялся и присѣлъ.

— „Что это за мерзости у васъ творятся?“—продолжалъ онъ.

— Я пожалъ плечами и грустно улыбнулся.

— „Вы помните мое расположеніе къ Великой Россіи? Конечно, помните, вы уже не такъ молоды. Давненько я предостерегалъ вашихъ сановниковъ отъ увлеченій, не разъ я указывалъ, что концессіи

на Ялу къ добру не поведутъ; не разъ намекалъ я, что дипломатическія назначенія въ Сеулъ, въ Токио, во Владивостокъ и къ намъ, въ Пекинъ, не оправдаютъ свое отвѣтственное положеніе. Развѣ не предупреждалъ я, что занятіе Талиенъ-Вана и Вей-хай-вея доказываетъ, какъ дважды два, что огважные мореплаватели смотрятъ однимъ глазомъ на Портъ-Артуръ, а другимъ въ Токио. И что же? Не прошло пяти лѣтъ, потребныхъ на вооруженіе, какъ у васъ фукнули Артуръ изъ подъ носа.

Каменная плита надъ останками Туана холодила мнѣ.... душу.

— „Вы правы, тысяча разъ, правы, ваше-распревосходительство!“

— „Въ результатѣ вамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ принять предательскій вызовъ изъ Токио и начать готовиться къ тяжелой войнѣ, когда у противника все было уже готово.

Позвольте васъ спросить: Какого лѣшняго вы столько лѣтъ спали?

— „Если бы знать, гдѣ упадешь, соломки бы постлалъ.“

— Глупости, должны были знать!

Эти славянскія изрѣченія здѣсь не у мѣста.

У васъ много такого говорится, что на практикѣ выходитъ наоборотъ и не выдерживаетъ никакой критики.

Вы говорите: „на чужой каравай, рта не разѣвай“,—между тѣмъ сколько вы награбили? Что у васъ собственнаго, русскаго?

— Голова моя склонялась все ниже.

— „Но разъ ужъ вы занялись грабежомъ, сумѣйте, по крайней мѣрѣ, сберечь награбленное, знайте что подъ носомъ дѣлается.

У насъ въ Китаѣ говорится: „зри въ карты ближняго твоего, ибо свои всегда успѣешь посмотреть“.

Благодаря мудрому Конфуцію я сберегъ милліардъ состоянія....

— Тѣнь мудраго Ли попросила меня продолжать интервью черезъ недѣлю.

— Прискорбно, но пришлось расстаться.

Надо извѣстить редакцію.

Переведутъ ли мнѣ забастовщики финансы?

П. Ч.

Въ трактирѣ.

Злободневная сценка.

Въ трактирѣ средней руки за столомъ сидѣла компанія и распивала утренній чай. Армякъ читалъ газету, двѣ поддевки внимательно слушали его. Прислушивался къ чтенію и буфетчикъ, высокій, здоровый мужчина съ огненно-красной бородой.

— А поэтому,—читалъ армякъ,—вожаки социаль-демократической партіи...

— Тыфу, ты погань какая!—отплюнулся буфетчикъ,—живемъ мы въ Россіи, русскій хлѣбъ кушаемъ, молимся по православному, а вѣдь вотъ какія слова говоришь.... социаль-демократическая партія!...

— А какая это такая партія? спросилъ армякъ.

— Гм.... должно быть пирамидка!

— Пирамидка, ты говоришь?

— Иначе и быть не можетъ! Только въ одной пирамидкѣ „одинъ красный“ супротивъ „пятнадцати бѣлыхъ“ идетъ!...

— И то правда,—подтвердила одна изъ поддевокъ,—я думаю, что „пирамидка“ лучше „чухонской“ партіи будетъ.

— Чухонскую партію мы проиграли,—важно замѣтилъ буфетчикъ,—и алагерь въ Манчжуріи проиграли.... Не знаю, что-то намъ скажетъ польскій карамбеляжъ!

— А это что за партія!...

— На манеръ французской, только на варшавскомъ языкѣ.

Армякъ продолжаетъ чтеніе.

— По ихъ словамъ необходима самая широкая автономія!...

— Тоже словечко! подхватилъ буфетчикъ.

— Двистительно,—покачали головой поддевки, слышать, слышимъ, а понимать не понимаемъ!

— Митричъ объяснить! кивнулъ армякъ на буфетчика, а тотъ откашлялся и приступилъ къ разъясненію.

— Положимъ, я хозяинъ заведенія, а у меня буфетчикъ. Я ему говорю: продавай рюмку по шести копѣекъ, а онъ продаетъ по четыре. Я ему говорю: открывай заведеніе въ восемь часовъ, а онъ открываетъ въ одиннадцать!... Мнѣ дефицитъ пишеть, а къ себѣ въ деревню деньги посылаетъ.... Вотъ это и есть автономный буфетчикъ! У него автономія, а у меня голодная физиономія.

— Очень даже ты вѣрно говоришь! поддакнули поддевки.

— Дошлый человекъ,—согласился армякъ и снова принялся за чтеніе.

— Конституція,—читалъ онъ,—только тогда и мыслима, если она есть продуктъ всенароднаго желанія....

— А конституція что? обратилась одна изъ поддевокъ къ буфетчику.

— Конституція,—должно быть иностранное слово....

— Такъ то оно такъ, да что она общаетъ?

— Студентъ говорилъ мнѣ, что это значитъ управленіе государствомъ совмѣстно съ народомъ....

— Народъ будетъ собираться?

— Будетъ.

— Невозможно это!

— Почему?

— Земскій начальникъ разгонитъ!

Апулей.

Дѣва Порфирія, новѣйшій экспериментъ въ духѣ правосѣрнаго
мракобѣсія.

Редакторъ *А. В. Заикинъ.*

Издательница *Л. А. Заикина.*

Паровая Скоропечатня Р. П. Пожарова. Спб. Загородный, 8.